

«Война не окончена. В настоящий момент они в долине на севере, встречают подкрепление», – холодно бросил Широн.

Тон был столь резок, что граф Монтень и рыцари, принимавшие его с распростёртыми объятиями, сконфузились.

«Д-да? Тогда мы должны как можно скорее изгнать их, только не может ли это подождать до прибытия армии из Беньона?» – попытался урезонить его граф, опасаясь, что, увлечённый погоней, тот угодит в западню.

Но Широн не отступал: «Всё верно, нам придётся объединить с ними силы. Потому прошу вас – поторопите столичное подкрепление! Если отправите уведомление, что большая часть армии врага разбита, они помчатся сюда со всех ног, только чтобы не отдать всю славу нам. И доберутся за три или четыре дня, а не за десять-пятнадцать, как обычно. А я пока осажу северную долину.»

К уговорам Монтеня присоединился один из рыцарей: «Это слишком опасно. Они сейчас невероятно злы... да и все учебники по стратегии предостерегают не загонять врага в угол!»

«Не беспокойтесь. Мы будем осаждать издалека, слишком лезть на рожон я не планирую. Прошу вас, господин граф, сосредоточьтесь на мирных жителях и реставрации крепости. А о ситуации на передовой сообщите лишь подкреплению из Беньона, павитонских солдат для сражения в северной долине не мобилизуйте.»

Просьба Широ́на выглядела странно. В каком смысле – поставить в известность беньонских рыцарей, но не выслать в бой павитонских солдат?! Это же всё равно, что самолично подарить все заслуги рыцарям из Беньона!

Удивлённо склонив голову, Монтень поинтересовался причиной такой просьбы: «То есть? Ты говоришь, что нужно отправиться в долину, и тут же просишь отказаться от последующего сражения? Какой в том смысл?»

«Из-за войны наш фео́д Павитон понёс слишком большой ущерб. Теперь наша главная задача – его восстановление. Со всем остальным пусть справляются столичные рыцари. Сам я тоже вступать в сражение не буду. Мы всего лишь перекроем путь врагу и дождёмся прибытия подкрепления.»

Граф Монтень кивнул. Широн прав. Первостепенно восстановление фео́да, а не погоня за поверженным врагом. Лучше быть прагматичным, чем ослеплённым жаждой славы.

Некоторые из старших рыцарей выглядели недовольными, но мнение Широ́на уважали. В конце концов, весь ход этой войны изменил именно он. Потому пожелания его следовало принять.

Монтень счёл нужным произнести слова поддержки: «Хорошо, Широн. Вклад твой неоценим, и я исполню твою просьбу. Я посвящу себя реставрации крепости и отправлю уведомление в Беньон. Всё чтобы ты мог поставить точку в этой войне.»

Широн опустился перед графом на колени, выражая свою признательность. Колени, кстати, ещё болело, однако кость успела срастись. Мощь Бастиона Душ росла с каждым днём.

Первое, чем занялась армия Широ́на после победы – тушением пожара, охватившего западную долину, и похоронами павших. Широн приказал своим бойцам зачистить местность. А всё

вражеское снаряжение собрать и сложить в одном месте.

По завершении жуткой войны, люди Широ́на испытывали душевный подъём. Потому увидев обожжённые тела людей не испугались, а взялись за дело. Работая слаженно, они убрали горелую древесину и прочие следы пожара, после чего засыпали всё свежей землёй. Доверие к своему предводителю среди людей достигло невообразимых высот, и ничто не могло его поколебать.

Убедившись, что всё движется как надо, Широ́н позвал Ти́бо и отправился с ним в северную долину. Вдвоём. А вся тридцатитысячная армия осталась наводить порядок.

Ти́бо был в недоумении. Широ́н ведь говорил графу Монтеню, что в северной долине собирает силы враг? Тогда почему, отправляясь на бой, оставил своих союзников в другом месте?

Подобное трудно поддавалось пониманию. Однако Ти́бо не стал выпытывать причину. Коль уж решил верить Широ́ну, нужно следовать за ним до конца и без лишних вопросов.

Когда они достигли северной долины, поверженные войска уже двигались к Колому. Рыцари шагали к перевалу впереди, солдаты – чуть поодаль. Шли быстро, не желая более задерживаться в этих краях.

Укрывшись в тени деревьев, Широ́н и Ти́бо наблюдали за их отступлением. И тогда Ти́бо вполголоса решился-таки задать вопрос. Всякий раз, когда они оставались одни, он обращался к Широ́ну не иначе как «основатель»[1].

«Основатель, что нам делать, они ведь уйдут на ту сторону хребта?»

«Ну и пусть уходят. И всё-таки, как же грамотно вражеский командир оценивает ситуацию! Я-то думал, их придётся подтолкнуть...»

«Но если они возвращаются в Колом, что здесь забыли мы?»

Скосив взгляд на Ти́бо, Широ́н усмехнулся: «А мы будем ловить тех, кто придут в эту долину. Вот почему я оставил солдат и взял с собой лишь тебя, Ти́бо.»

«Тех, кто придут в долину? Но если Колом уходит, в долине останемся лишь мы, да подкрепление из Бенъона... с-стоп, неужто вы имели в виду их?!»

Широ́н не ответил. И молчание это было красноречивее слов. Потому неудивительно, что глаза Ти́бо полезли на лоб. Да кто мог подумать, что Широ́н изберёт следующей целью рыцарей Галика?!

«Н-не... для чего нам атаковать собственное подкрепление?»

«Ти́бо, я участвую в этой войне не ради Галика. Я сражаюсь за возрождение культа Кроноса. Потому мне без разницы, рыцари Галика они или армия Колома – если они стоят на пути к реставрации культа, нам придётся от них избавиться...»

«!..» – Ти́бо так и застыл с открытым ртом, не в силах ничего ответить. Слова просто отказывались сходить с его уст.

«Для того, чтобы мы распространили влияние, нам не должны мешать. Сейчас помехи создают и Колом, и королевская семья Галика. Потому я намерен избавиться от обоих.»

«Н-но как?.. Вы же не хотите сказать, основатель, что с рыцарской армией, составляющей главную мощь Галика, мы будем сражаться лишь вдвоём? Это неразумно!»

«Вдвоём и не будем. Я поручаю эту задачу тебе, Тибо.»

Тибо поразился ещё больше. Сражаться против рыцарского корпуса в одиночку?! Это же чистое самоубийство!

«Н-невоз...» – надув щёки, возмущённо начал он.

И тут Широн похлопал его по плечу: «Да не волнуйся ты так! Чтобы привести из Беньона солидный рыцарский корпус, потребуется немало времени. А им нужно перехватить у нас инициативу. Так что сюда направятся не все рыцари, а только часть. Из тех, кто больше всех желают нажиться на нашем конфликте.»

В ответ на разъяснения, Тибо, подумав, кивнул.

Но всё равно – это же рыцарский корпус! Разве можно противостоять ему в одиночку?

«Они собираются заявить, что участвовали в войне изначально. А после уведомления от господина Монтеня будут считать, что она практически выиграна. Потому без лишних колебаний примчатся сюда, чтобы присвоить всю славу себе, прекрасно понимая, что возразить им никто не осмелится. И, скорее всего, они...» – Широн выдержал паузу, после чего продолжил. – «Скорее всего, они столкнутся здесь с одной маленькой лавиной. Конечно, будь это просто лавина, многие уцелеют. Но что, если в момент разгула стихии кто-нибудь выпустит парочку стрел, чтобы помешать им выкарабкаться?»

«А!..»

Тибо, наконец, осознал, что имеет в виду Широн. И правда – если во время схода лавины тебя обстреляют из лука, смерти не избежать, будь ты даже рыцарь.

Тибо невольно поёжился. Слишком уж страшен этот человек по имени Широн! И как же повезло, что не он является его врагом!

Предсказания Широна полностью сбылись. Делепша графа Монтеня о победе Павитона потрясла столицу Галика. Особенно всех поразило, что тем удалось разгромить великую армию Колома собственными силами.

Решительно на всех светских приёмах главной темой разговоров стали вести о павитонской войне. Под наибольшим впечатлением оказались придворные дамы. Конечно, известия дошли до них в искажённом виде, но они и сами их увлечённо приукрашивали, порождая всё новые сплетни.

Когда объявили о войне, они были в ужасе, но теперь, после победы, это стало не более чем интересной историей со счастливым концом..

Не стал исключением и светский приём в клубе Антуан. Канцлер Галика, герцог Лебуэль, немедленно созвал совещание клуба. В гостиной собрались все, кто имели хоть сколь-нибудь серьёзное влияние на королевскую семью.

Герцог Лебуэль сумел заполучить в свои руки послание Монтеня королю. Он же и зачитал его, поднявшись на трибуну для выступлений.

«Благодаря молитвам и прозорливости вашего величества, нам удалось благополучно отразить вторжение Колома. Первого марта враг, в составе двадцатитысячного войска, приступил на рассвете к штурму крепости. Яростные столкновения велись день ото дня, в ходе оных враг спалил близлежащий посёлок, полностью разрушил внешнюю стену и даже пробил дыру во внутренней, а ваши покорные подданные подвергались неопишным лишениям. И пока мы в едином порыве держали оборону, молодой рыцарь Широн Веилс, сплотив вокруг себя часть рыцарей и солдат, отрезал врагу пути снабжения и уничтожил многих вражеских бойцов посредством засадной тактики. Сегодня днём великая армия Колома начала понемногу отступать и, похоже, вскоре оставит позиции насовсем. Теперь, конечно, стоило бы пуститься в погоню и добить бегущих, но у нас слишком мало сил для такого манёвра. И потому убедительно прошу ваше величество выслать войска для преследования отступающей армии Колома. По прогнозам, они уйдут окончательно в течении двух-трёх дней, вследствие чего выслать войска нужно срочно.»

Послышались возгласы восхищения. Присутствующие стали аплодировать. Да и как не восхититься столь успешными действиями против армии Колома? Однако в глазах аристократов стоял жадный блеск. Особенно наострили они уши, услышав последние строки.

Преследовать поверженного врага, обезглавить вражеского военачальника – вот высочайший подвиг. После таких свершений можно стремительно подняться в титулах! А поскольку боевой дух побеждённых неизменно стремится к нулю, это всё равно, что мешок золота у дороги найти! Неудивительно, что атмосферу в гостиной клуба Антуан стремительно заполнила жадность.

И герцог Лебуэль вбил первый гвоздь.

«Как понимаете, ситуация не терпит отлагательств. Чтобы добраться до Павитона за два-три дня, нельзя двигаться со скоростью простых солдат. Потому предлагаю отправить лишь рыцарей. Но и их собрать у нас толком нет времени. Выступать нужно прямо сейчас, так что прошу собрать всех, кого удастся в кратчайшие сроки, прямо тут, на площади. Как только наберётся сотня рыцарей, высылаем их в путь. Остальные могут проследовать за ними по мере возможности. Кстати, с его величеством уже всё обговорено.»

Аристократы засуетились. Созвать своих рыцарей хотели все, но не каждый мог уложиться в отведённый срок.

Первыми на площади собрались рыцари Лебуэля, отвечавшие в Бенъоне за охрану порядка. Облачённые в белые паноплии с оранжевой окантовкой воины составляли первый рыцарский корпус Бенъона. Одни они заняли сорок мест из требуемой сотни.

Следом подоспел маркиз Бальфон, командор рыцарской гвардии. Он взял с собой десять человек из ближайшего окружения.

Прибыли и бойцы шермонского рыцарского Ордена, составлявшие главную ударную силу Галика. Шермонский Орден является крупнейшим в стране и насчитывает более ста двадцати человек. Однако большинство из них разбросаны по королевству, и быстро собрать всех не получится. Так что они оказались представлены пятьюдесятью восьмью бойцами. Поверх паноплий они носили накидки в красную и белую полосы. Полосатая накидка призвана была отражать собой величие Ордена.

Таким образом набралось сто девять рыцарей. И, под командованием маркиза Бальфона, они тут же тронули коней в путь.

«Отлично, наша цель – Павитон! Вперёд!»

Тыгыдым-тыгыдым...

Среди присутствующих маркиз Бальфон являлся самым родовитым, потому закономерно взял командование в свои руки. Впрочем, даже без своего титула, Бальфон считался лучшим фехтовальщиком Галика. Так что жаловаться никто не стал.

Сто девять рыцарей скакали галопом, поднимая за собой клубы пыли. Во главе подразделения мчал маркиз Бальфон, вспоминая напутствие герцога Лебуэля.

«Дружище Бальфон, добить остатки поверженных коломцев важно, однако не меньший приоритет имеет и подавление развития Павитона. Постарайтесь перехватить инициативу таким образом, чтобы им вообще никакой славы не досталось. Я имею в виду, что нужно максимально оградить павитонских рыцарей от участия в предстоящей атаке. Ещё раз подчеркну – в герои не должен выбиться ни один павитонец. Героями должны стать только вы.»

Маркиз едва заметно искривил губы. Да откуда взяться героям в том захолустье? По его мнению, герцог Лебуэль слишком себя накручивал. Даже если им каким-то чудом удалось отразить атаку Колома, это ещё не значит, что они заслуживают столь высокой оценки.

В этот момент заговорил рыцарь шермонского Ордена: «Интересно, а как им удалось остановить армию Колома? Не может же быть, чтобы дети павитонских гор вдруг стали серьёзными бойцами? Может, армия Колома на этот раз оказалась слишком слаба?»

«Ха-ха-ха! Сто пудов! Должно быть, совсем уж шелупонь выслали. Ха-ха!»

Все громко заржали, не сбавляя ходу.

Улыбку позволил себе даже маркиз Бальфон. Он тоже считал, что армия Колома на сей раз оказалась не ахти какой.

Правда, откуда им было знать, что в послании графа Монтеня имелись несколько пропусков и неточностей?..

Вторжение Колома стартовало отнюдь не первого марта. Штурм начался десятого марта, на рассвете. И армия Широ на нанесла им поражение всего за один день.

Изменена была и численность врага. Вместо указанных двадцати тысяч, горный хребет пересекли свыше сорока тысяч бойцов.

Информация по отступлению также не соответствовала действительности. Противник отходил не постепенно, а полностью обратился в бегство и уже пересекал павитонский хребет.

Имелись и пропуски. Например, в отчёте не было ни слова об огневом налёте, применённом Широном, и уничтожившим двадцать тысяч солдат Колома. Также полностью опускалась и информация о баллистах.

Являлись ли все эти недочёты следствием расчётливости Монтеня? Конечно же нет. Графу не хватило бы ни отваги, ни проницательности, чтобы предоставить отчёт в таком виде. Не подходил он к составлению послания и спустя рукава. Да и не обладали ни Монтень, ни кто-либо другой в его окружении, всей полнотой информации о войне.

Всё это было исподволь подстроено Широном. И сообщил он ровно столько, чтобы королевская семья Галика не смогла углядеть за всем его руку.

Ни о чём подобном рыцари, представлявшие основные силы Галика, и не подозревали. И потому усердно подстёгивали лошадей.

Об истинном положении вещей знал только Широном. Лишь один человек в мире может видеть полную картину, рисуемую Широном – он сам.

Это тьмы текущая река, в которой никому не увидеть правду. Сидя в одиночестве, управляя потоком Тьмы как истинный король демонов, её мог разглядеть только Широном.

Примечание

[1] Имеется в виду обращение □□□, что означает «основатель или лидер культа».

<http://tl.rulate.ru/book/104928/3680511>